

СОВРЕМЕННЫЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена одной из значимых тем современной теории права и политики — выявлению сущности такого социального феномена, как гражданское общество. В работе раскрываются многие актуальные проблемы, вовлеченные в современный политико-правовой дискурс о гражданском обществе. К их числу относятся: определение содержательных границ гражданского общества, его структурных компонентов, анализ взаимодействия гражданского общества и права, правового государства, исследование интеллектуально-правовых оснований формирования и развития гражданского общества. Работа опирается на методологию дискурсивного анализа, которая практически еще не освоена отечественной теорией права, философией права и политики, являясь солидно развитым инструментарием западной политико-правовой мысли. Применение дискурсивного метода к анализу гражданского общества позволяет преобразовать неявное правовое и политическое знание о гражданском обществе в отчетливо артикулируемые утверждения, определить параметры «белых пятен» в содержании теоретической рефлексии о гражданском обществе. Значимость статьи связана с проработкой в ней проблематики, которая способна включить российских правоведов и политических исследователей в международный междисциплинарный дискурс.

Такой сложный феномен, как гражданское общество, всегда был загадкой и предметом как научного, так и практического-политического интереса со стороны государства, политических деятелей, политиков, правоведов и политологов.

Тема гражданской жизни, ее моральных, правовых и политических оснований, конституирующих элементов всегда выступала значимой составляющей философско-правовых учений и теорий на протяжении нескольких столетий. В последние десять-пятнадцать лет обращение зарубежных исследователей к проблемам гражданского общества как главного социального феномена гражданской реальности стало особенно интенсивным, стало вызывать жаркие споры и дебаты.

Расширение концептуального поля, в котором развивается политико-правовой дискурс о гражданском обществе, не только включает в обсуждение новые понятия и идеи, но и привлекает все новых и новых авторов к теме гражданского общества. Исследователи разделяют различные взгляды, придерживаются разных методологий, но едины в своем интересе к проблеме формирования жиз-

недеятельности гражданского общества, составляющих его элементов, к вопросам гражданско-правового образования.

У некоторых западных ученых появились уже опасения, что тема стала достаточно избитой. «Нет никакого сомнения в том, что тема гражданского общества стала за последнюю декаду слишком употребляемой, возможно даже чрезмерно используемым понятием», — так начинает свою статью «Гражданское общество как идея и идеал» известный американский ученый Адам Сэлигман¹.

Среди возможных объяснений популярности идеи гражданского общества в Европе и США может фигурировать, помимо ряда других причин, о чем мы будем говорить далее, отсутствие консенсуса по поводу того, что же считать гражданским обществом. Западная политико-правовая и философская мысль, несмотря на уже практически трехсотлетнюю историю изучения гражданского общества, так и не выработала единой его концепции, единого понимания и определения. Единственным пунктом согласия является общее признание связи между либерализмом и гражданским обществом. «Гражданское общество — это

то место, где мы можем экспериментировать с новыми идеями и новыми образами жизни; а это, в свою очередь, приводит к социальной трансформации», — говорится во введении к первому тому самого последнего исследования, посвященного гражданскому обществу, его редакторами — Симонэ Чеймберс и Уиллом Кимликой².

М. Уолцер обращает внимание на то, что границы гражданского общества совпадают с границами либерального государства³. С таким выводом, думается, могут согласиться и соглашаются большинство исследователей. Упомянутый выше Адам Сэлигман раскрывает либеральные корни самой идеи гражданского общества и либеральные основания его возникновения⁴.

Идея гражданского общества как нормативного идеала возникла в конце семнадцатого — в восемнадцатом столетиях как ответ на возникший кризис социального порядка. Это был период великих открытий, развития рыночной экономики, период коммерциализации труда, земли, капитала, период революций. В этой ситуации естественно возник вопрос о вечности и соответствии новым реалиям старого экономического, социального и государственного порядка.

Отношение людей не только к природе, но и к обществу, государству стало приобретать более рационалистический характер. Выражением этого стала концепция «естественных прав» человека: признание наделенности человека от природы правом на жизнь, свободу, правом на собственность. Последняя была дополнена концепцией «общественного договора».

Сейчас мы совершенно уверенно можем сказать, что идея естественных и неотъемлемых прав человека, идея естественного права — это регулятивная утопия, выражающая регулятивный социальный идеал. Однако пренебрежение к данному правовому и политическому идеалу на практике чревато экономическими, политическими и социальными последствиями.

В либерализме, традиции которого плавно внедрились в XX столетие на Западе, идея морально (и экономически) автономного индивида, которая служила основой концепции гражданского общества еще в шотландском Просвещении, сохранилась в качестве фундаментальной предпосылки политической жизни и деятельности. Значимость либеральной доктрины для развития теории гражданского общества трудно переоценить. Последняя постулировала неотъемлемость таких прав человека, как права на частную собственность, личную свободу, неприкосновенность жилища, безопасность и сопротивление угнетению, предусматривала также свободу религиозных убеждений, переписки, права на публичное разбирательство дела в суде.

Для понимания существа данного либерального дискурса о гражданском обществе отметим ряд особенностей развития либерализма. Известно, что либерализм сформировался в Европе в XVII–XVIII веках и сыграл роль вызова предшествующим представлениям о государстве как о естественном или божественном образовании, в которых человек рассматривался как мельчайшая песчинка в океане всеобщего государственного целого. Этот человек не наделялся никакой автономией, также правом свободы воли и выбора. С либерализмом возникла такая система взглядов на государство, которая основывалась на идее договора (или контракта) между гражданами-субъектами государственной жизни. Понятие государства, ограниченного задачами обслуживания интересов, потребностей человека, явилось сердцевиной того, что можно назвать *либерализмом*. Подобная концепция государства, как видно из предшествующего рассмотрения, явилась продуктом творчества Джона Локка. Его идеи возымели огромное влияние на творцов американской Конституции 1787 года.

Либеральная концепция справедливости Локка нашла подходящую для своего развития почву в Америке, хотя именно от Локка ведут свою историю и европей-

ские теории политического либерализма. Разрабатываемые им принципы либерализма, предполагающие приоритет индивидуальных мнений и проявлений, признающие неотъемлемость и неотчуждаемость прав человека, рассматривающие свободу в качестве абсолютной ценности, приводят Локка к пониманию политической справедливости как конвенциональности. Из концепции Локка следует, что политическое знание выявляет общественное мнение как мнение большинства и становится воплощением политической справедливости.

Либеральная теория Локка делает акцент на свободе, представляя ее главной гражданско-политической ценностью. Поэтому понимаемое таким образом гражданское общество становится посредником между конкретным индивидом и государством, приобретая черты саморегулирующегося образования.

Именно идеал саморегулирования свободных людей, которых влекла мечта о новой счастливой жизни на «земле обетованной», земле свободной, ради веры в которую они покинули Старый Свет в надежде получить в жизни новый шанс, сделал либеральную идеологию исключительно привлекательной для североамериканских штатов. Для Нового Света либеральный идеал содержал жизнеутверждающую ориентацию на построение нового и свободного мира в стране разных возможностей.

Американские отцы-основатели («The Founding Fathers») — Джордж Вашингтон, Джон Адамс, Джеймс Мэдисон, Томас Джефферсон, Джеймс Монро, Бенджамин Франклин, Александр Гамильтон, Томас Пейн — разделяли общее видение на построение американского общества, считая, что его построение во многом может быть материализовано благодаря воспитанию граждан согласно морали либерализма.

В американском прочтении локковский либерализм приобрел следующее звучание. Его основным понятием стали свобода (Liberty); равенство (Equality); независимость (Freedom) и справедли-

вость (Justice). Говоря о равенстве как принципе, следует отметить, что оно предполагает два типа: политическое равенство всех людей и равенство возможностей. Данное понятие ориентирует на то, что в «хорошем» обществе правительство создает условия, при которых индивидуумы были вынуждены бороться за улучшение своего благосостояния в соответствии со своими амбициями и способностями, но в рамках системы законов, которые, в свою очередь, предполагают уважение ценности жизни и собственности других индивидуумов. Независимость/свобода включает, согласно идеям отцов-основателей, не просто способность делать то, что желает каждый, но, прежде всего, идею об определенной степени успеха или достижении удовлетворенности гражданина, живущего среди других граждан в конкретном государстве. Наконец, еще одно понятие американского либерализма — справедливость. Она состоит в идее о том, что человек как разумное существо способен относиться к одинаковым вещам одинаково и к разным вещам по-разному, соглашаясь относительно общих правил и требований, на основе которых он способен решать проблему соответствия одних вещей другим.

В последнее десятилетие в среде американских и английских мыслителей активно ведется спор об основаниях либерализма, что не может не отражаться на трактовке гражданского общества, гражданских добродетелей и гражданского образования. Проблем, вокруг которых, прежде всего, ведется спор, несколько. Но главная из них — проблема равенства граждан, проблема равенства как идеальная характеристика гражданского общества.

Один из классиков современного либерализма английский ученый Рональд Дворкин пишет: «...главным нервом либерализма является определенная концепция равенства, которую я называю либеральной»⁵. Р. Дворкин, в противовес идеям «нового курса», выдвинул либеральный пакет программ: «Для простоты

я буду называть «либералами» тех, кто придерживается этих позиций. В своей экономической политике либералы выдвигают требования уменьшить неравенство по богатству, используя программы социального обеспечения и другие формы перераспределения на основе прогрессивного налога. Они поддерживают вмешательство правительства в экономику в целях содействия экономической стабильности, сдерживания и контроля инфляции, уменьшения безработицы и обеспечения той сферы услуг, которая иначе не была бы обеспечена, но они отдают предпочтение прагматичному и изобретательному вмешательству, а не резкому переходу от свободного предпринимательства к полностью коллективным решениям в отношении инвестиций, производства, цен и заработной платы. Они выступают за равенство между расами и одобряют ограничения, вводимые правительством в целях обеспечения этого равенства и направленные против дискриминации при приеме в учебные заведения, найме на работу и в решении жилищных вопросов»⁶.

Р. Дворкин полагает, что, благодаря концепции равенства, составляющей ядро современного либерализма, можно осуществлять проверку того, что же в действительности является либеральным (утверждением, лозунгом, поступком, деятельностью). Он выступает за такую теорию равенства, согласно которой политические решения не должны зависеть (или должны зависеть как можно меньше) от конкретных представлений о достойной жизни и о том, что придает ей ценность. «В обществе, — поясняет ученый, — люди имеют разные представления о добродетельной жизни, поэтому правительство не будет относиться к ним как к разным, если отдаст предпочтение одному из этих представлений»⁷. Причиной тому является то, что его придерживается наиболее многочисленная или сильная группа населения. Каковы же принципы либерализма, которые предлагает Р. Дворкин?

- Либерализм — это не компромисс между более сильными позициями;

- Либерализм — признание принципа приблизительного равенства с целью предоставления каждому одинаковой доли благ, посредством которых человек может реализовывать свои стремления;

- Либерализм полагает рынок в качестве экономического института реализации его принципов;

- Либерализм видит в представительной демократии тот институт, тот политико-правовой механизм, который позволит реализовать этот принцип;

- Либерализм призывает к нейтральности, которая требует, чтобы каждому предоставлялась равная доля благ и чтобы каждый решал, выбирать ему дорогой или недорогой образ жизни⁸.

- Либерализм опирается на правовое регулирование гражданской жизни, предполагает систему гражданских прав, ибо «...либерал, выбрав экономический рынок и политическую демократию по исключительно эгалитарным соображениям, обнаруживает, что эти институты порождают неэгалитарные последствия, если не дополнять его схему разного рода индивидуальными правами»⁹.

Р. Дворкин убежден, что в целом гражданские права, как они сформулированы в Билле о правах и Конституции США, и как их истолковывает Верховный Суд США, это — то, что требуется для нормального функционирования государства, гражданского общества, для реализации социальных ожиданий индивидов. Сложнее, считает он, дело обстоит с уголовным правом, в реализации которого Р. Дворкину видится некая субъективность и даже возможность произвола, так как решение о привлечении к судебной ответственности всегда принимают конкретные люди. Но Р. Дворкин все же находит выход защитить либеральное равенство посредством права. Либерал, как считает ученый, будет настаивать на такой организации уголовного судопроизводства, которая обеспечивала бы высокую надежность решений и оказывала бы сильное противодействие осуждению невиновных¹⁰.

Р. Дворкин вступает в противоречие с живым классиком современности — теоретиком либерализма Джоном Роулзом (р. 1921), в некоторых вопросах занимая сходную позицию.

Для понимания специфики и самобытности, а также различий между современными модификациями либерализма, а следовательно, и концепциями гражданского общества с вытекающими из них принципами организации гражданской жизни и гражданского образования, необходимо сделать еще ряд экскурсов в историю американского либерализма.

Нам представляется, что на смену локковскому либерализму как доминантной политической идеологии Америки приходит утилитаризм, уходящий своими корнями в философию Джона Стюарта Милля. Господство утилитаризма знаменует появление первого кризиса, который переживает либерализм. Согласно утилитаризму, не равенство возможностей, как это постулирует классический либерализм, а благо (польза) становится мерилем справедливости. Утилитаризм является своеобразным ответом на развитие рабочего движения, в том числе и в Америке, и с середины XIX века становится господствующей формой либерализма в США на протяжении десятилетий.

В 20–30-е годы XX века происходит второй кризис либерализма. Он порожден развитием фашизма в Европе и политического консерватизма. Американский либерализм отвечает на кризисную ситуацию формированием неолиберализма. Суть последней концепции хорошо отражена в политическом курсе Теодора Рузвельта. В орбиту либеральной мысли опять включается государство, понятие о котором становится регулятивной идеей.

Дело в том, что быстрые темпы индустриализации в Америке в последние десятилетия XX века стали выявлять тот факт, что нерегулируемый частный сектор экономической активности начинает отрицать основополагающие условия предоставления свободных шансов для

большинства граждан. Развитие крайне полярных богатства и нищеты сделали идею равных возможностей предметом насмешек. Поэтому интервенция государства становится все более и более необходимой в интересах регулирования частного экономического господства и предоставления, хотя и не в полной мере развитых, но все же равных экономических возможностей. В итоге очень многие американские политики, политологи, политические философы и юристы стали осознавать, что в интересах независимости (Freedom) необходимо немного поступиться свободой (Liberty) для установления равенства возможностей и предоставления минимально достойных условий для жизни всех граждан.

Этот рывок в американской политико-правовой мысли от классического либерализма к либерализму всеобщего благоденствия или, как его называют американцы, статическому либерализму, был простимулирован Великой депрессией 30-х годов. Однако постепенно новые либералы стали акцентировать внимание больше на равенстве результатов, чем на равенстве возможностей.

Достаточно скоро стал назревать третий кризис либерализма в Америке, который попадает на 60–70-е годы XX века. Он порожден реакцией на кризис рационализма в Европе и Америке, отрицательным отношением ко всем ценностям либерального общества. Идеи этого кризиса нашли отражение в работе Дэниэла Белла «Конец идеологии». Главным противником либерализма стали постмодернизм (Stephen White, Seila Benhabib), политический феминизм (Nancy Frazer) и философия Франкфуртской школы (Habermas).

Американская социальная мысль находилась в ожидании нового решения и рассчитывала на нечто необычное. Надежды оправдались, была опубликована книга Джона Роулза «Теория справедливости» (1971), полная загадок, двусмысленностей, выдержанная в духе лучших мировых традиций политико-философской мысли. До настоящего времени, яв-

ляясь настольной книгой современных либералов, работа вызывает споры, а ее автор — живой классик и по настоящее время «оправдывается», и в этих «оправданиях» отшлифовывает свою концепцию. Не ставя своей задачей в данной работе разбор теории Джона Роулза, остановимся на характеристике основных тенденций современного дискурса о гражданском обществе.

После некоторого затишья идея гражданского общества стала рассматриваться в качестве панацеи от всех бед во всех странах, в речах и трудах представителей различных политических идеологий.

А. Сэлигман отмечает интересную особенность в понимании гражданского общества в целом, различая особенность современной позиции тех, кто живет к Востоку от Эльбы, и тех, кто живет от нее на Западе: Для первых характерен призыв вернуться «назад к гражданскому обществу», под которым понимается демократическое общественное устройство и все то, что характеризует западные демократии. Это — институционализация тех принципов гражданства, на которых строится либеральная демократическая политика на Западе. Здесь понятие демократии стали охотно заменять понятием гражданского общества, которое для исследователей и политиков означает возможность для автономного морального субъекта гражданского действия удовлетворять свои интересы в политической сфере.

По контрасту для западной научной общественности, идея гражданского общества связана с акцентированием внимания на коммунитарности, на избавлении от идеологии индивидуализма. Особенно отчетливо данная тенденция видна в США. Ее приверженцы — Майкл Уолцер, Чарльз Тейлор и др. Можно сказать, что для современных западных, особенно североамериканских исследователей США и Канады, гражданское общество представляет собой реальность сообщества (коммуны), которая существует в пространстве между семьей и государством.

Обобщая исследовательские подходы к пониманию сущностных и системно-образующих характеристик гражданского общества как феномена общественной жизни, которые приняты в современной зарубежной литературе, прежде всего необходимо отметить, что чаще всего в работах обращается внимание на *добровольность* тех ассоциаций, которые входят в состав гражданского общества. По этому вопросу имеется очевидный исследовательский консенсус.

Приведем ряд подтверждений высланному положению. Классик политической науки Дэниэл Белл¹¹, говоря об американской исключительности, затронул и проблемы гражданского общества. Он пишет, что к последнему относятся добровольные ассоциации, церкви и общины (сообщества), обсуждающие те решения, которые должны быть приняты на местном уровне и не должны подвергаться контролю со стороны государства и его бюрократического аппарата. Придерживаясь иных, некоммунитаристских взглядов, добровольный характер структур гражданского общества признают и другие авторы, такие как Шейла Бенхабиб¹², Джин Коэн и Эндрю Арато¹³.

На добровольность как конституирующую черту гражданского общества указывает и Майкл Уолцер¹⁴. Он полагает, что гражданское общество может быть определено как добровольное и не принудительное, при этом исключаящее семью, чьи члены не являются волонтерами, а также государство, которое даже в случае его легитимности и согласия его членов все же оказывает принудительное воздействие на своих подчиненных. Близкой позиции придерживается и Лорен Ломаски¹⁵, признавая, что гражданское общество — это пространство добровольности, что вытекает из парадигмы либерализма, которую она разделяет. Правда, в отличие от М. Уолцера, Л. Ломаски в структуру гражданского общества включает семьи, помимо друзей, соседей, клубов, образовательных и филантропических организаций¹⁶. Но главное для нее в гражданском обще-

стве — различного рода добровольные ассоциации¹⁷.

Волонтерство, добровольность участия в гражданском обществе — важнейшая его черта. Гражданское общество — это пространство свободного выбора, общности и участия. «Внутри гражданского общества индивидуальности могут приходиться и уходить (хотя в большинстве случаев они остаются), они могут вступать в большое число групп и могут покидать их. Внутри этих групп они устанавливают (сильные или слабые) связи с себе подобными и посвящают (в большей или меньшей степени) время и энергию ежедневной организационной работе, коллективным празднованиям, собраниям в комитетах, созданию фондов и рекрутированию новых членов», — утверждает современный классик либерализма М. Уолцер¹⁸.

Возвращаясь к анализу структуры гражданского общества, обратим внимание на то, что канадский ученый Уилл Кимлика¹⁹ к числу его компонентов, в отличие от мнения приведенных уже исследователей, относит семью. Перечисляя организации гражданского общества, он называет следующие: церкви, семьи, союзы, этнические ассоциации, кооперации, группы по защите окружающей среды, ассоциации соседей, группы поддержки, партии.

Вопрос о включении семьи в состав гражданского общества является принципиальным, если мы в качестве системообразующего принципа гражданского общества видим добровольность как основу его организации. Шантал Мюффе вместе с Майклом Уолцером, принимая во внимание ряд аргументов, уточняют свою позицию, объясняя ее следующим образом: гражданственность, которая делает демократическую политику возможной, может быть воспитана только в ассоциативной сети гражданского общества. Поскольку его группы добровольны, их неудача жить согласно с теми обязательствами, которые привносятся вместе с ними в общество, обычно связана с простым неодобрением, чем просто с за-

конным наказанием. И несмотря на это, поскольку неодобрение проистекает из семьи, от друзей, коллег или товарищей, оно действительно более значимо, чем наказание, проистекающее от безличного государства. Именно здесь «человеческий характер, компетентность и способность быть гражданином "формируется", так как здесь происходит усвоение нами идеи личной ответственности и взаимного обязательства и обучение добровольному самоограничению, которое важно для ответственного гражданства»²⁰.

Добровольность вхождения граждан в различного образа союзы и организации гражданского общества (если мы абстрагируемся от членства в семье, что является спорным вопросом для западных ученых) предполагает определенную дистанцированность гражданского общества от государства. И дистанцированность от экономики — добавляет еще один аргумент в дискурс по проблемам гражданского общества Симонэ Чеймберс.

Проговаривая вопросы, которые уже находятся в интеллектуальном поле дискуссии по гражданскому обществу, Симонэ Чеймберс как автор работы и редактор последнего крупного издания по проблемам гражданского общества, которое так и называется: «Альтернативные концепции гражданского общества», обращается за аргументами к А. Грамши. Она пишет: «По Грамши, семья включена в гражданское общество, поскольку она является инструментом, который может быть и обычно является центральным в оформлении главных политических диспозиций граждан. Семья является трансформаторной силой культуры, следовательно, и гегемонии. Также центральными являются такие ингредиенты, которые более часто ассоциируются с гражданским обществом: церкви, клубы, университеты, ассоциации, союзы, культурные институты, политические партии, социальные движения и т. д. Они, однако, включены в гражданское общество не в силу добровольного характера их организации, но благодаря их роли в проду-

цировании идей, необходимых для поддержания стабильности»²¹.

После Маркса гражданское общество уже перестает восприниматься в экономических терминах. Оно видится ученым больше как система идей, ценностей, идеологий, связанных с теми институтами, которые продуцируют эту систему духовно-идеологических продуктов. Гражданское общество рассматривается в настоящее время западными учеными в аспекте формирования идентичности, создания социальной интеграции, как средство культурной репродукции.

Эти идеи разделяют так называемые критические теоретики, выросшие из западноевропейской традиции неомарксизма, философии Франкфуртской школы. Первое поколение представителей критической теории известно как Франкфуртская школа (точнее, Франкфуртский институт социального исследования). К ним можно отнести Макса Хоркхаймера, Теодора Адорно, Отто Кирххаймера, Герберта Маркузе, Уолтера Бенджамина и Эриха Фромма.

Сейчас мы встречаемся с представителями второго и даже третьего поколения критических теоретиков. Это: Юрген Хабермас, Клаус Оффе, Гюнтер Франкенберг, Гельмут Дюбиэл, Эксел Хоннеф, Хаук Бранкхорст, Шейла Бенхабиб, Джин Коэн, Эндрю Арато, Нанси Фрейзер, Стивен Уайт, Кен Бейнес, Билл Шерман, Томас Маккарту²².

Таким образом, если практически всеми исследователями из состава гражданского общества исключается государство (в основном это свойственно представителям современного либерализма), то критические теоретики из гражданского общества настоятельно исключают экономику. Для либеральных же философов права и политики исключение экономики кажется «перебором», так как они считают, что экономика и гражданское общество связаны неразрывными узлами.

Симонэ Чеймберс, разделяющая взгляды представителей критической теории, решительно утверждает: «Гражданское

общество определяется по контрасту с государством и защищается как реальность, которая должна быть изолирована в определенном смысле от государства. Это — тот пункт, однако, в котором критическая теория отходит в значимых вопросах от главного течения, т. е. либеральной концепции гражданского общества. Речь здесь идет не только о государстве, которое воспринимается как потенциальная опасность для свободы в гражданском обществе; капиталистические экономические отношения также считаются болезненно назойливыми»³³.

Итак, мы видим, что в теоретическом освоении темы гражданского общества наметилось два основных направления анализа, органично включенных в современный дискурс о гражданском обществе, его содержании, его элементах, его предназначении. Этими двумя теоретическими составляющими являются либеральная традиция (либеральная теория во многих ее модификациях) и критическая теория.

Наиболее ярким представителем последней теоретической парадигмы является Юрген Хабермас.

Юрген Хабермас известен разработкой теории коммуникативного действия и социальной эволюции. В отличие от Маркса, который делал акцент на взаимодействии человека с природой и рассматривал труд как социальное преобразование природного мира, его завоевание, Юрген Хабермас разрабатывает понятие жизненного мира. Хабермас заимствует это понятие у Гуссерля. Он считал, что мы, поколение за поколением, не только преобразовываем внешний мир, мир природы с помощью нашего труда, но также изменяем и свой внутренний, социокультурный мир с помощью символического взаимодействия и коммуникации. Жизненный мир становится у Хабермаса тем фоном, на котором разворачивается вся социальная интеракция. И поскольку жизненный мир состоит из значений, то мы связаны с ним посредством своих интерпретаций и своего понимания. Мы воспроизводим его в процессе

своей коммуникации. И, конечно же, жизненный мир стоит особняком по отношению к государству и экономике, у которых есть своя логика и свои законы. Государство, по Ю. Хабермасу, связано с властью, которая иерархична и насильственна, в то время как коммуникация эгалитарна и воздействует посредством убеждения.

В этих рассуждениях Ю. Хабермаса — его понимание гражданского общества, отличное от либерального истолкования. Для либеральной традиции конституирующим компонентом гражданского общества была добровольность (отсутствие принудительности; отсюда — отрицание государства как структурного компонента гражданского общества и в отдельных случаях неоднозначное отношение к семье как возможной составляющей гражданского общества). Для Юргена Хабермаса и его последователей, в частности, Джин Коэн и Эндрю Арато, таким компонентом выступает коммуникативная автономия («communicative autonomy»). Последняя выражается в свободе социальных акторов критиковать, воспроизводить, изменять форму или оформлять основные нормы, смыслы, ценности и идентичности посредством коммуникативного взаимодействия. Безусловно, коммуникативная автономия соединена с индивидуальной автономией, поскольку последняя является условием первой. Хабермас полагает, что индивиды не формируют своих жизненных планов в одиночку: это происходит совместно с другими в обществе. И итогом этих коммуникативных действий является норма. Согласно теории Хабермаса, гражданское общество и есть тот жизненный мир, который выражен и представлен в институтах²⁴.

Последователи Ю. Хабермаса Джин Коэн и Эндрю Арато следующим образом разъясняют позицию критической теории по поводу гражданского общества: «Гражданское общество должно включать все институты и общественные формы, которые предполагают коммуникативное взаимодействие для собствен-

ной репродукции и которые опираются непосредственно на процессы социальной интеграции в интересах координации действия в рамках их границ»²⁵.

Таким образом, в гражданском обществе связующим элементом является коммуникация. Поэтому представители критической теории считают, что гражданское общество является автономным только при условии, что оно управляется нормами, которые проистекают из жизненного мира и воспроизводятся, перефразируются в процессе коммуникации. Отсюда становится понятным, почему из гражданского общества исключаются экономика и экономические взаимоотношения. В принципе идеи критической теории не вступают в серьезные противоречия с другими, в частности, с либеральными, концепциями. Тот же Адам Сэлигман пишет о гражданском обществе как саморегулируемой общности, существующей между индивидами, которая отличается от их существования (взаимосвязи) в качестве граждан национального государства. В гражданском же обществе индивиды являются моральными абсолютами²⁶.

Итак, базовыми компонентами критической теории (можно сказать, критического либерализма) Ю. Хабермаса являются следующие тезисы: гражданское общество есть состояние сопротивления и эмансипации; типичными акторами в нем являются социальные движения; хотя граждане демонстрируют в нем свой потенциал, их ареной действия является публичная сфера; типом действия является демократическое обдумывание, взвешивание.

Ю. Хабермасом дается следующее определение гражданского общества: «Гражданское общество образовано из более или менее спонтанно возникших ассоциаций, организаций и движений, будучи настроенным на то, как социальные проблемы резонируют в сферах частной жизни, оно извлекает сущность из этого процесса, превращая данные реакции в усиленные формы, направляя их в публичную сферу»²⁷.

Интересно и то, как Хабермас, а за ним Коэн и Арато, определяют новые социальные движения — определяют их как акторов, которые обладают дуалистической ролью. Речь идет о существовании защитных и наступательных стратегий. Видится, что, в отличие от классического либерализма, критическая теория является плюралистической. Она предлагает заменить демократическую теорию как избирательно-центристскую на демократическую теорию как переговорно (разговорно)-центристскую²⁸. Интерес к переговорно(разговорно)-центристской концепции демократии достаточно велик в современной политико-правовой Европе и США. Причины тому — обращение к проблеме формирования интересов внутри гражданского общества. Теоретиков волнует, каким образом обдумывание, взвешивание может повлиять на форму предпочтений, сформировать личный интерес, поддержать условия равенства, диалогичную форму разрешения конфликтов и создать разумное обоснование для большинства решений. Иначе говоря, интерес перемещается из кабинки для голосования туда, где происходит дискурсивное взаимодействие в рамках гражданского общества. Эта проблема исключительно важна в конце XX века, когда западная демократия стала фокусироваться на публичной сфере, где каждому человеку есть, что сказать. Так считают представители критической теории.

Дело в том, что если в ряде стран, включая Россию, идет речь о построении гражданского общества, то в других странах, прежде всего западноевропейских и североамериканских, поднимается тема демократизации гражданского общества. Естественно, встает вопрос о либеральных основоположениях гражданского общества, к числу которых, как нам известно, относится индивидуальная автономия. Критическая же теория предлагает новое видение: сочетание публичной и частной автономий, которые друг без друга существовать не могут и не должны. Эта идея — элемент теории дискурсивной демократии Хабермаса.

Гражданское общество, которое защищает разнообразие интересов, безусловно, способствует развитию демократии. Симонэ Чеймберс считает, что разнообразие является сторожевой собакой демократии. Возможно ли спасти все формы разнообразия, их широкий спектр, либо следует поддерживать только отдельные их виды? Об этом ведутся большие споры в граждановедческой литературе. Из этих споров возникает дискуссия о том, что считать хорошим или плохим гражданским обществом. Ведь ассоциации, клубы, церкви и семьи могут способствовать появлению недемократических, нелиберальных идей, и когда это происходит, возникает «плохое» гражданское общество. «Плохое гражданское общество — это то, которое способствует или является гостеприимным к партикулярной гражданской активности, к гражданственности, которая не переходит групповых границ», — считает С. Чеймберс²⁹. И формальные демократические процедуры не могут предохранить общество от этих опасностей, не может сделать это и государство, которое также не сможет включиться в решение проблем. Критическая теория видит, что плохое гражданское общество появляется на свет, когда группы перестают следовать идеалам демократического гражданства, когда группа проповедует ненависть, стимулирует ксенофобию, когда проявляются подозрение и недоверие, иногда — насилие. Критическая теория — за демократическое гражданское общество, формированию которого, как полагают ее сторонники, способствует развитие процедур «демократического взвешивания», развитие социальной солидарности через посредство организации «разговорно-центричного общества». Но вопрос о построении хорошего или, как говорит М. Уолцер, идеального гражданского общества остался открытым.

Вклад в разработку этих вопросов пытаются внести практически все теоретики гражданского общества.

Чтобы найти новые составляющие ответа на поставленные выше вопросы, об-

ратимся еще раз к определению гражданского общества. В обозначении содержательных составляющих и пределов гражданского общества наиболее привлекательной нам видится позиция современного американского либерального философа Майкла Уолцера. К гражданскому обществу он относит добровольные и свободные ассоциации, в основе которых лежит интерес или убеждения, культурная или религиозная идентичность и которые преследуют цели накопления благ (партнерства и компании), достижения власти (партии и движения), духовного спасения (церковные организации и конгрегации), достижения конкретных результатов (группы по интересам и профсоюзы), предоставления каких-либо благодеяний (филантропические организации и фонды) или предотвращения общественного зла (организации, ориентированные против чего-либо)³⁰. Гражданское общество, по М. Уолцеру, — это пространство свободного выбора, общности и участия.

Сами зарубежные теоретики гражданского общества стали замечать, что, несмотря на значимость институтов гражданского общества в развитии демократизации, от гражданского общества все требуют еще больше, очень рассчитывают на него, считают его школой гражданственности. Уилл Кимлика считает, что требуют от гражданского общества действительно неоправданно много. Но ведь люди, говорит он, вступают в организации гражданского общества не для того, чтобы научиться гражданским добродетелям. Конечно, некоторые организации, такие как общество бой-скаутов, действительно были задуманы для развития у молодежи гражданских качеств. В принципе, считает он, ни школа, ни семья, ни церковь не имеют в качестве своей главной цели обучение гражданским качествам³¹. Действительно, большинство институтов гражданского общества возникло для решения других вопросов, но, конечно, все они не только объективно призваны, но не могут не реализовывать

свой образовательный потенциал — учить гражданственности.

Приведем еще одну точку зрения на сущностные обязанности гражданского общества — известного английского политического философа либеральной ориентации Джона Грея. «*Гражданским обществом* я назвал режимы, характеризующиеся тремя чертами: я противопоставил их "государствам *мировоззрения*" <...> древности и современности, утверждая, что <...> в гражданском обществе <...> различные, несовместимые и порою несоизмеримые концепции блага и мира *существуют бесконфликтно*... Вторая черта гражданского общества состоит в том, что и правительство, и те, кем оно управляет, подчиняются *власти закона*. <...> Во всяком гражданском обществе большинство видов социальной и политической активности осуществляется автономными институтами, которые защищены властью закона, независимо от правительства. <...> Третьей чертой гражданского общества является институт частной или личной собственности. Значение личной собственности для гражданского общества состоит в том, что она играет роль механизма, с помощью которого можно провести в жизнь и реализовать соперничающие между собой, а иногда и несоизмеримые концепции блага, не прибегая к процедуре коллективного принятия решения <...> Смысл важнейшего института гражданского общества — института частной собственности — в том, что это механизм, с помощью которого люди с диаметрально противоположными целями и ценностями могут осуществлять их, не прибегая к процедуре коллективного принятия решений, каковая с необходимостью будет в высшей степени конфликтной»³².

Грей подчеркивает, что существует разнообразие форм, в которых проявляется гражданское общество. «Гражданскому обществу не обязательно быть либеральной демократией — ни Англия, ни Гонконг и Сингапур в наше время не являются таковой, хотя они и прекрасно подходят под обрисованную

мною модель гражданских обществ, и им не обязательно обладать демократическими институтами любого другого типа», — продолжает Грей³³.

Наконец: «Гражданское общество не обязательно должно быть связано с моральной культурой индивидуализма, формирующей его европейские, и особенно его американские разновидности (восточно-азиатские варианты гражданского общества с индивидуализмом не связаны). К тому же, экономическая система современного гражданского общества не обязательно должна быть системой рыночного капитализма, в некоторых частях посткоммунистического мира, особенно в России, возникают рыночные институты, по своим важнейшим парадигмам отличающиеся от рыночных институтов западного капитализма. Тем не менее, я сделал вывод, что, «согласно представленному здесь взгляду, гражданские общества во всех своих признанных разновидностях служат живым ядром того, чем является либерализм <...> центральные элементы либеральной политической морали вновь и вновь предстают в качестве основополагающих институтов и практик в современных гражданских обществах»³⁴.

Джон Грей в другой своей книге, посвященной либерализму, обращает внимание на то, что гражданское общество конституировано из наиболее фундаментальных западных традиций. Грей рассчитывает на возможность построения либерального гражданского общества и за пределами западного мира, например, в Китае или в Советском Союзе³⁵. Он считает, что долг теоретиков нового, постлиберального поколения состоит в том, чтобы осветить формы гражданских ассоциаций, которые составляют наиболее важные элементы западного исторического наследия³⁶.

Среди западных исследователей общепризнано, что границы гражданского общества совпадают с границами либерального государства³⁷. В этом высказывании, принадлежащем М. Уолцеру, хотелось бы акцентировать внимание на

двух пунктах: на наличии либеральных ценностей, лежащих в основании гражданского общества Нового и Новейшего времени, и на государственных границах гражданского общества. Гражданское общество ограничено государственными границами: гражданское общество действительно существует в рамках определенной страны (государства), что имеет явно выраженные и весомые последствия как для первого участника процесса, так и для второго.

Вызывают интерес суждения М. Уолцера о некоторых характеристиках гражданского общества. Он называет последнее сферой, или реальностью конфликтов. «Поскольку это — реальность дифференциации и фрагментации, гражданское общество, даже при отсутствии «жадных институтов», всегда является пространством конфликтов — соревнующихся «причин», групп по интересам, компаний, партий, даже церковей и филантропических обществ. Соревнование происходит иногда за власть и влияние, иногда — за деньги, иногда — за членов; иногда оно является следствием прагматического несогласия; иногда связано только с личными голосами.

Но нет способа избежать его, и одна из наиболее важных вещей, которые люди должны выучить относительно гражданского общества, это то, как научиться жить со множеством различных форм социальных конфликтов»³⁸. Гражданское общество, таким образом, — школа жизни среди конфликтов.

Конфликты связаны с наличием неравенства. В принципе, либеральное гражданское общество создано автономными индивидуумами, но на практике многие из ассоциаций этих индивидов недружелюбно относятся к автономии. «Более того, многие из групп, которые сосуществуют в гражданском обществе, которые ищут признания и уважения в его среде, хотя и апеллируют к либеральным и демократическим нормам, сами по себе не являются либеральными или демократическими. Неравенство в гражданском обществе существует не только между

группами, но и внутри групп, в форме харизматического лидерства, иерархической организации, элитной доминации или половой дискриминации», — достаточно резко и справедливо отмечает М. Уолцер³⁹. Конечно, вряд ли кто-либо будет оспаривать тот факт сейчас, что жизнь в условиях нормально функционирующего гражданского общества имеет достаточно много преимуществ перед жизнью, когда такого общества нет, не было и в будущем не предвидится.

Имеются у гражданского общества на Западе и другие недостатки, на которых также останавливается М. Уолцер. Например, индивидуумы участвуют во многих акциях не по собственной воле, а в силу решения родителей, либо будучи членом какой-либо организации, с которой связаны узами лояльности. Поэтому даже при формальной свободе они не чувствуют себя свободно, но и дистанцироваться от своего сообщества не могут, поскольку это может оказаться для них очень болезненным.

Отмечается, что не все члены гражданского общества способны защищать свою автономию и готовы к этому, поскольку такая защита требует большой цены. «По этой причине всегда будет существовать местная иерархия, или даже местная тирания, в пределах либеральных демократических государств...», — убежден М. Уолцер⁴⁰.

Говоря о недостатках и проблемах гражданского общества, мы опять возвращаемся к вопросу о хорошем, используя выражение С. Чеймберс, гражданском обществе, или об идеальном гражданском обществе (М. Уолцер), или о здоровом гражданском обществе (У. Кимлика).

М. Уолцер рассчитывает на государство в вопросе совершенствования гражданского общества. Конечно, на его взгляд, государство не должно браться за улучшение всего гражданского общества, но, что касается выработки комплекса оздоровительных процедур для улучшения реального положения дел, то государство должно, безусловно, этим за-

няться. Государство должно иногда совершать интервенцию в гражданское общество. «Постмодернистский проект самоприспосабливающихся индивидуалов, который представляет определенный ряд либерального перфекционизма (не отличающегося от радикального протестантизма Эверада), был бы более привлекательным, чем ситуация, когда человеческие существа прибывают в этот мир как колонисты в чужую страну»⁴¹. Однако все происходит наоборот: «Так как они прибывают сюда как младенцы, нуждающиеся в социализации, требующие любви, внимания, воспитания, и так как все это не может быть предоставлено им в нейтральном виде, что могло бы сделать их будущий выбор полностью открытым, мы лучше устроим наш мир в виде одной или другой версии индивидуальной автономии (мы можем спорить о разных версиях)»⁴².

Обдумывая все эти проблемы, М. Уолцер приходит к выводу о том, что:

– государство необходимо, чтобы стимулировать жизнь норм цивилизованности и регулировать конфликты, которые могут возникать в гражданском обществе;

– государство необходимо, чтобы подлечивать неравенство, возникающее в результате силы ассоциаций отдельных групп, которые иногда бывают очень удачливы; государство необходимо для мобилизации ресурсов и предоставления услуг своим гражданам;

– государство необходимо, чтобы устанавливать лимиты на неравенства, которые возникают в обществе.

Обобщенно говоря, по М. Уолцеру, достойное гражданское общество требует государственного вмешательства. Нормальное, здоровое гражданское общество нуждается в сильном государстве⁴³.

Теперь вернемся к обсуждению первой составляющей характеристики гражданского общества, которую справедливо вычленил М. Уолцер, — к его основанию, т. е. к наличию либерального государства⁴⁴, к господству либеральной идеологии. Безусловно, осмысление фе-

номена гражданского общества трудно представить оторванным от обсуждения идеологии либерализма. Более того, вместе с трансформацией либеральной идеологии происходит и изменение подходов к теоретическому видению содержания, функций и назначения гражданского общества. Борьба идей внутри либерального сообщества политиков, правоведов, политических философов находит непосредственное отражение и в обсуждении граждановедческой проблематики, что особенно ярко выражается в американских, канадских, английских источниках.

Дискурс о гражданском обществе в современной зарубежной литературе

имеет большое значение для российской теории права и политики. Не имея укорененной в общественном сознании и политико-правовой практике либеральной традиции, современное российское общество вынуждено ускоренно наверстывать упущенное время, формируя либеральные ценности и установки посредством разнообразных ресурсов гражданско-правового образования. Не менее значимым ресурсом конституирования гражданского общества в России является включение российских правоведов и политических исследователей в международный междисциплинарный дискурс о гражданском обществе и гражданских добродетелях.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: *Seligman A. B. Civil Society as Idea and Ideal*. In: *Alternative Conceptions of Civil Society*. Ed. by S. Chambers and W. Kymlicka. Princeton: Princeton Univ. Press. 2002. P. 13.

² *Chambers S., Kymlicka W. Alternative Conceptions of Civil Society: Introduction*. In: *Alternative Conceptions of Civil Society*. Op. Cit. P. 8.

³ *Walzer M. Equality and Civil Society*. Op. Cit. P. 37.

⁴ См. подробнее его монографию: *Seligman A. B. The Idea of Civil Society*. Princeton: Princeton Univ. Press. 1995.

⁵ *Дворкин Р. Либерализм // Современный либерализм: Ролз, Бераин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой. М., 1998. С. 46.*

⁶ *Дворкин Р. Цитир. соч. С. 52–53*

⁷ Там же. С. 58.

⁸ Там же. С. 59–61.

⁸ Там же. С. 67.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Bell D. American Exceptionalism Revised: The Role of Civil Society || Public Culture. № 95. 1989: 38–56.*

¹² *Benhabib S. Critique, Norm and Utopia*. New York: Columbia University Press, 1986. P. 278–353.

¹³ *Cohen J., Arato A. Civil Society and Social Theory*. Cambridge: MIT Press. 1992.

¹⁴ *Walzer M. Equality and Civil Society*. Op. Cit. P. 35.

¹⁵ *Lamasky L. E. Classical Liberalism and Civil Society*. In: *Alternative Conceptions of Civil Society*. Op. Cit. P. 64.

¹⁶ *Ibid.* P. 62.

¹⁷ *Ibid.* P. 65.

¹⁸ *Walzer M. Equality and Civil Society*. Op. Cit. P. 37.

¹⁹ *Kymlicka W. Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship*. Op. Cit. P. 301–302

²⁰ См.: *Walzer M. The Civil Society*. In: *Dimensions of Radical Democracy: Pluralism, Citizenship and Community*. Mouffe, Chantal, ed. London, Routledge. 1992. P. 104

²¹ *Chambers S. A Critical Theory of Civil Society*. In: *Alternative Conceptions of Civil Society*. Op. Cit. 2002. P. 90–91.

²² Автору настоящей работы посчастливилось в течение семестра в 2000 году, стажирясь в Колумбийском университете (Нью-Йорк, США) под руководством известного ученого Брайана Берри, посещать занятия, которые он проводил совместно с Джин Коэн. Среди источников, ко-

торые обсуждались и были предложены для изучения студентам, присутствовали и работы Брайана Берри и Джин Коэн, раскрывающие разнообразные аспекты феномена гражданского общества. См.: *Brian Berry. Justice as Impartiality: A Treatise on Social Justice. Volume II.* Oxford: Clarendon Press. 1999; *Jean L. Cohen and Andrew Arato. Civil Society and Political Theory.* Cambridge: MIT Press. 1999. В русском переводе книга вышла в России в 2003 году. (См. *Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория.* М.: Весь мир, 2003.) Что касается творчества представителей Франкфуртской школы и представителей критической теории, то наиболее полно их идеи представлены в следующих работах: *Andrew Arato and Eike Gebhardt. The Essential Frankfurt School Reader.* New York: Continuum. 1982; *Martin Jay. The Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research, 1923–1950.* Boston: Little, Brown, 1973; *David Held. Introduction to Critical Theory: Horkheimer to Habermas.* Berkley and Los Angeles: University of California press, 1980.

²³ *Chambers S.* Op. Cit. P. 90

²⁴ См.: *Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy.* Cambridge: MIT Press. 1996; *Habermas J. The Theory of Communicative Action.* Boston: Beacon Press. 1987; *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere.* Cambridge: MIT Press. 1989 (первое издание — в 1962 году на немецком языке). О Ю. Хабермесе и в поддержку его теории опубликовано множество работ. Среди них: *David Held. Introduction to Critical Theory: Horkheimer to Habermas.* Berkley and Los Angeles: Univ. Of California Press. 1980; *Baynes K. The Normative Grounds of Social Criticism: Kant, Rawls and Habermas* (Albany: State University of New York Press. 1992; *Cohen J., Arato A. Civil Society and Political Theory.* Cambridge: MIT Press. 1992; *Chambers S. Reasonable Democracy: Jürgen Habermas and the politics of Discourse.* Ithaca: Cornell University Press. 1996; *Habermas and the Public Sphere.* Ed. by Craig Calhaen. Cambridge: MIT Press. 1993.

²⁵ *Cohen J., Arato A. Civil Society and Political Theory.* Op. Cit. P. 429.

²⁶ См.: *Seligman A. B. Civil Society as Idea and Ideal.* Op. Cit. P. 29.

²⁷ *Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy.* Op. Cit. P. 367.

²⁸ Эта тема уже была затронута в работе Шейлы Бенхабиб. См: *Benhabib S. Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy.* In: *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political.* Ed. by Seyla Benhabib. Princeton: Princeton Univ. Press. 1996.

²⁹ *Chambers S.* Op. Cit. P. 101.

³⁰ См.: *Walzer M. Equality and Civil Society.* In: *Alternative Conceptions of Civil Society.* Ed. by S. Chambers and W. Kymlicka. Op. Cit. P. 35.

³¹ *Kymlicka W. Politics in the Vernacular. Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship.* Op. Cit. P. 303.

³² *Грей Дж. Поминки по Просвещению / Пер. с англ.; Под ред. Г. В. Каменской. М., 2003. С. 262.*

³³ Там же. С. 263.

³⁴ Там же. С. 263.

³⁵ Книга впервые вышла в свет в 1989 году, когда Советский Союз еще существовал.

³⁶ См.: *John Grey. Liberalism. Essays in Political Philosophy.* London and New York: Routledge. 1991. P. 262.

³⁷ См.: *Walzer M. Equality and Civil Society.* Op. Cit. P. 37.

³⁸ *Walzer M.* Op. Cit. P. 38.

³⁹ *Ibid.* P. 44.

⁴⁰ *Ibid.* P. 46.

⁴¹ См.: *Ibid.* P. 46.

⁴² *Ibid.* P. 46–47.

⁴³ *Ibid.* P. 47–48.

⁴⁴ Отметим, что идеи гражданского общества формируются и функционируют, как это может показаться на первый взгляд, не только в рамках либерального дискурса. Существует, по крайней мере, еще несколько типов идеологий, которые «работают» с идеей гражданского общества: консервативная, социал-демократическая, социалистическая, анархистская и др.

V. Smorgunova

**MODERN FOREIGN SOCIAL —
LEGAL AND POLITICAL DISCOURSE ON CIVIL SOCIETY**

The article is devoted to one of the significant themes of the modern theory of the law and policy revealing an essence of such a social phenomenon as civil society. Many important problems involved in the modern political-legal discourse about civil society are discussed: the definition of the content boundaries of the civil society, its structural components, analysis of interaction of civil society and law, the lawful state, the research of the intellectual - legal basis of the creation and development of the civil society. The paper is based on the methodology of discourse analysis which has not been practically applied yet by the Russian theory of law, philosophy of law and politics, while it is widely used in the western political thought. The application of the discourse method to the analysis of civil society allows to transform implicit legal and political knowledge of civil society into clearly articulated statements, to determine parameters of «white spots» in the content of theoretical reflection on civil society. The problems analyzed in the article will enable Russian scholars in the field of law and politics to participate in the international interdisciplinary discourse.